

ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI 10.20339/AM.10-16.075

Р.Ю. ФОФАНОВ,
аспирант
Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
e-mail: filozoff@mail.ru

МОДЕЛЬ «РАЗОТЧУЖДЕННОГО ЧЕЛОВЕКА» А. И Б. СТРУГАЦКИХ И РОЛЬ «ВЫСОКОЙ ТЕОРИИ ВОСПИТАНИЯ» В ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ¹

Рассмотрена проблема «разотчужденного» человека, поставленная в творчестве известных научных фантастов А. и Б. Стругацких. Выявлена роль «высокой теории воспитания» в практической реализации этой модели. Новизна статьи состоит в выстраивании логической связи между «разотчужденным» человеком, образом человека-созидателя будущего, и «высокой теорией воспитания», что позволяет более полно осветить идеальный образ человека будущего, описанного А. и Б. Стругацкими. По мнению Стругацких, главенствующую роль в формировании человека будущего будет играть тяга к творчеству (созиданию), удовлетворению духовных потребностей. Автор детально анализирует сформулированную Стругацкими концепцию общих постулатов «высокой теории воспитания», выраженной ее творцами в самом общем виде, делая вывод о том, что таковая требует дальнейшей разработки.

Ключевые слова: образ человека — создателя будущего, диалектико-материалистический метод, утопическое моделирование, философская антропология, труд, «разотчужденный человек», «высокая теория воспитания», учитель, «прогрессор».

MODEL OF "RESETCODEPAGE MAN" BY A. AND B. STRUGATSKY'S AND THE ROLE OF "HIGH THEORY OF EDUCATION" IN ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION

R.Yu. Fofanov is post-graduate at Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Analyzed is the problem of «resetcodepage» person, considered in the works of well-known scientific fantasy writers A. and B. Strugatsky. Exposed is the role of «high theory of education» in practical implementation of this model. Novelty of the article is in building of logical connection between «resetcodepage» person, image of person as creator of the future, and «high theory of education», that allows to illuminate more fully perfect image of person of future, imagined by A. and B. Strugatsky. As to A. and B. Strugatsky, principal role in forming of person of future would be played by craving for creativity (creation), i.e. satisfaction of spiritual needs. The author in detail analyzes formulated by Strugatsky conception of general postulates of «high theory of education», expressed by its creators in universal terms, making the conclusion about need of it's further development.

Key words: image of person — creator of the future, dialectic materialistic method, utopian modeling, philosophical anthropology, labor, «resetcodepage person», «high theory of education», teacher, «progressor».

В советской социально-философской фантастике после И.А. Ефремова проблема возможности «разотчужденного человека» (максимальное очеловечивание биологической стороны человека) [1] получила наиболее глубокое осмысление в творчестве А. и Б. Стругацких. Эта проблема состоит в гуманизации идеала человека будущего. В нашей статье будет доказано, что идеал человека будущего А. и Б. Стругацких — это образ человека-созидателя будущего как неотъемлемая, важная часть этого идеала.

Проблема человека будущего

Наша реконструкция модели «разотчужденного человека» братьев Стругацких опирается прежде всего на доклад А. и Б. Стругацких «Человек и общество будущего», прочитанный в 1962 г. на Международном совещании при редакции журнала «Техника — молодежи», в котором они предприняли попытку обобщить основные результаты первой («допрогрессорской») стадии своего многолетнего осмысления проблемы человека будущего-

¹ Данная статья написана на основе бесед с к. философ. н. Н.В. Коротковым.
The article is written, based on conversations with candidate of philosophical sciences N. Korotkov.

го, каким они его представляли, в многочисленных повестях, романах и рассказах.

В докладе А. и Б. Стругацких отмечено, что в конце XX в. впервые за многотысячелетнюю историю человечества появились научно-технические и производственные условия, позволяющие достичь удовлетворения материальных потребностей человека. Достижение этого состояния, по их мнению, сдерживается искусственно благодаря укоренившемуся способу несправедливого распределения. Между тем, они выражают уверенность, что справедливое распределение благ, т.е. такое, которое не является источником неприязни у одних людей по отношению к другим, может быть достигнуто уже в недалеком будущем – при условии, что историю не прервет очередная мировая война и неизбежно связанная с ней ядерная катастрофа.

Вместе с тем А. и Б. Стругацкие признают: для создания человека будущего одного изобилия материальных благ недостаточно и подчеркивают необходимость специального образования, призванного помочь человеку «осознать тот факт, что он по определению является существом, живущим для того, чтобы мыслить и познавать» [2].

Стругацкие дают описание экономической и организационной структуры общества будущего, но оно может быть в лучшем случае только фоном для развития сюжетных линий фантастических произведений. Главным же в фантастической литературе остается человек.

Отмечая, что в прежней научной фантастике – от Г. Уэллса и Ж. Верна до К.Э. Циолковского и А.Р. Беляева – в центре внимания был не человек, а футуристическая техника, Стругацкие подчеркивают принципиальную важность образа человека будущего, который мог бы служить идеалом для нынешнего человечества. Особую трудность, по мнению писателей-футурологов, будет представлять собой достоверное изображение конфликтов в будущем, особенно поведение людей в этих конфликтах. В связи с этим они делают предположение, что «основой всех конфликтов будет конфликт добра против добра».

Сталкиваются два положительных героя, из которых каждый убежден и прав по-своему и в чистоте стремлений которых никто не сомневается. Обоим и в голову не придет, что можно отделить общественное от личного, они даже в ожесточенных столкновениях остаются друзьями, товарищами, братьями» [2]. Подобная дихотомичность позволяет привести в отношения между людьми элемент соревновательности, знаменующий собой раскрытие творческого созидательного потенциала человека будущего, появление стимула для созидательного труда: здоровая соревновательность подталкивает человека к постоянному развитию. Желание быть лучшим заложено в природе человека.

Признавая необходимость превалирующих в западной социальной фантастике антиутопий как «романов-предостережений», Стругацкие вместе с тем отмечают, что создание таковых есть движение авторов по пути наименьшего сопротивления, ибо описывать грядущее падение человечества несравненно легче, чем «торить

тропы в утопию». В связи с этим важно отметить: хотя последняя задача в либеральной российской и зарубежной прессе первого постсоветского десятилетия была практически полностью дискредитирована путем выявления «тоталитарной сущности утопизма»², то в публицистике последних лет утопическое моделирование (конструирование вариантов предполагаемого будущего, в т.ч. человека) признается необходимым условием поступательного развития. Эту мысль современный российский философ В.В. Штепа выразил в следующих словах: «Если не сбываются утопии, сбываются антиутопии – просто в силу социальной энтропии» [3].

Стругацкие выделяют две крайности, в которые рискует впасть автор, создающий образы людей будущего: либо нивелировать значение человека, либо представить человека как схему. В последнем случае очевиден намек на персонажей футурологической трилогии И.А. Ефремова («Туманность Андромеды», «Сердце змеи» и «Час Быка»), в полемике с которым Стругацкие формировали собственное представление о человеке будущего.

Между тем, на наш взгляд, более логично мнение Н.В. Короткова о несправедливости повсеместно распространённого представления о героях ефремовской трилогии как о «субъектах, в чьих жилах течет лишь «разжиженный сок чистого разума» (выражаясь вполне уместными в данном случае словами В. Дильтея). Дело в том, что, как отметил еще Н.С. Трубецкой в пионерском психологическом исследовании этноцентризма, нашему непосредственному пониманию доступны лишь «элементарные черты психики» другого, общие как у всех детей, так и у людей и животных, тогда как культурная специфика требует специальной декодировки, без которой остается невоспринятой.

С этим в частности связано впечатление об инфантилизме друг друга, часто сопровождающее контакты представителей разных культур. Что касается И.А. Ефремова, то он описывает «совершеннолетнее» (в кантовском смысле) человечество, в условиях многовекового существования коммунистической формы общества полностью изжившее психологические комплексы, связанные с лимбической системой и «рептильным мозгом» (в терминологии К. Сагана). Из-за отсутствия инфантильных и животных черт и «эзотерического» для современного читателя характера занимающей их духовной проблематики (искусственное сдерживание развития третьей сигнальной системы и др.) персонажи Ефремова и воспринимаются многими как «голые схемы» [4. С. 116].

«Высокая теория воспитания»

Отдельно Стругацкие останавливаются на фундаментальном вопросе о движущей силе развития «коммунистического человека», лишённого мещанских инстинктов. Писатели заявляют, что видят лишь «одну такую силу, вытекающую непосредственно из сущности человека как явления природы. Сила эта – присущее только человеку стремление к удовлетворению духовных потребностей» [2].

² Из западных философов здесь можно особенно выделить Ф. Хайека.

По мнению писателей, от животных, чье существование подчинено удовлетворению трех фундаментальных инстинктов (полового, самосохранения и поиска пищи), человека отличает бескорыстное стремление к познанию. Правда, в человеке эта способность до сих пор подавлялась тяжелыми условиями существования, разного рода социальными неустройствами. Но, утверждают Стругацкие, освобожденный человек будет культивировать и лелеять эту способность, и она станет основой для движущих сил человека будущего.

Здесь, кстати, была предвосхищена мысль Ф. Фукуямы. Он, подвергнув в начале 2000-х гг. пересмотру собственную концепцию «конца истории», признал: конец истории не наступит, пока не наступит конец научно-технического прогресса [5. С. 7]. В основе научно-технического прогресса лежит то самое стремление к познанию, о котором говорили знаменитые братья-фантасты. Однако стремление к познанию человека-исследователя, человека труда формируется, прежде всего, системой образования. Стремление к познанию и тяга к созидательному труду – продукт целенаправленных усилий человека.

А. и Б. Стругацкие приводят несколько аргументов в защиту своего постулата о ключевом значении духовных стимулов в развитии человека, преодолевшего материальную нужду:

- ♦ «первое: объекты духовного голода гораздо более разнообразны, чем материальные устремления»;
- ♦ «второе: духовному голоду никогда не будет грозить пресыщение, ибо в отличие от хода удовлетворения материальных потребностей, удовлетворение духовных потребностей лишь еще более разжигает и углубляет аппетит» [2].

Следовательно, по убеждению Стругацких, человеку будущего не будет грозить никакой застой, он будет лишь динамично плодотворно развиваться.

Однако, как показал исторический опыт второй половины XX – начала XXI вв., материальные ценности тоже способны соответствовать обоим признакам, выделенным Стругацкими в качестве специфических для духовных ценностей (разнообразие духовных объектов и невозможность ими насытиться).

В книге «Одномерный человек» [6] философ-фрейдомарксист Г. Маркузе проанализировал новую форму репрессивного контроля над человеком, которая заключается в искусственном формировании у него все новых и новых первичных потребностей – тех, что составляют самое основание «пирамиды потребностей», сформулированной А. Маслоу. Результатом интенсивного развития рекламных технологий стала замена вещей, чей ресурс полезного действия еще далеко не исчерпан, на новые просто в силу выхода первых из моды. Так человек удерживается у самого основания пирамиды А. Маслоу, т.е. на полуживотном уровне, тогда как потребность в созидательном труде, творческой активности у него не возникает. Возможно, именно скорое осознание Стругацкими подобной способности материальных ценностей в известном смысле мимикрировать под духовные ценности как раз и обусловило постепенное нарастание антиутопических мотивов в их утопическом моделировании.

Уже в повести «Далекая радуга» (1963) возникает тема возможных при коммунизме техногенных катастроф, способных поставить человека перед сложнейшим моральным выбором между худшим и наихудшим решениями. Здесь Стругацкие фактически переоткрывают проблему, поставленную еще в русском космизме, в частности в статье «Общий смысл искусства» В.С. Соловьёва, утверждавшего, что человек, преодолевший социальную несправедливость и «неродственность», все равно находится под угрозой тотальной гибели в силу неподчиняющихся человеку стихийных сил, и не может считаться идеальным. В «Далекой радуге» Стругацкие впервые поставили проблему, которую до них ставили и Ефремов и Уэллс: как себя будут чувствовать и что будут делать в мире «полудня» те, кто не способен жить творчески?

Поздние романы о мире «полудня» – «Жук в муравейнике» (1979) и «Волны гасят ветер» (1985) – можно считать подведением итога развитию утопической темы в творчестве А. и Б. Стругацких. Никакой научно-технический прогресс сам по себе не осчастливит человека, если не будет сопряжен с культивированием «Человека воспитанного», полностью преодолевшего в себе «внутреннюю обезьяну».

Тема образования, красной нитью проходящая через произведение фантастов, достигла апогея в романе «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» (1988) – многомерного повествования, исследующего предназначение и рост сложности задач Учителя на примере двухтысячелетней истории (начиная с учительства Иисуса Христа и заканчивая выдуманным Стругацкими Г.А. Носовым). Исследователь их творчества Ф. Снегирев так резюмирует итог многолетних художественно-философских исследований Стругацких о возможности качественной трансформации человека через применение новаторских подходов к образованию его членов в следующих словах: «Один Учитель (даже экстра-класса) не в состоянии одной лишь силой своего Знания, своей Убежденности необратимо подвинуть социум к прогрессу (в понимании Учителя) и при этом застраховать свою педагогическую концепцию от искажений во времени. Но и не пытаться сделать это он не может!» [7. С. 125].

Вместе с тем и поздняя публицистика Стругацких свидетельствует о разочаровании знаменитых фантастов в марксистской идее отказа от частной собственности как необходимом условии создания человека будущего. Так, Б.Н. Стругацкий в переписке выражает мрачную уверенность: «Человек окажется неспособным отказаться от потребительского образа жизни, тем самым в ближайшем будущем ввергнув себя в глобальную катастрофу, в результате которой откатится в развитии до “века пара и электричества, когда пара было много, а электричества мало”» [8].

Художественно-философская модель человека будущего Стругацких – это модель человека, приближенного к нам, с теми же эмоциями, недостатками, но сильного и честного, жаждущего созидательного труда. Фантасты, наряду с И.А. Ефремовым, заполнили известный пробел в теоретических построениях основоположников марксизма, практически не оставивших сколько-нибудь раз-

вернутого и содержательного описания чаемого идеала человека будущего. Это, впрочем, объяснялось установкой Маркса и Энгельса на строгую научность, следовать которой невозможно при рассуждении о качественно ином, небывалом в истории человеке.

Однако и то правда, что еще в начале 1960-х гг. во время создания романа «Полдень. XXI век» Стругацкие посчитали нужным дополнить сформулированные Марксом и Энгельсом необходимые условия для формирования человека будущего размышлениями об индустриальной научно-технической базе и механизме справедливого распределения ресурсов, предполагающего отказ от частной собственности, а также гуманистически ориентированной системой образования. И хотя в поздний период творчества Стругацкие вовсе не отреклись от созданного ими образа человека будущего, они разошлись с основоположниками марксизма в вопросе о средствах осуществления такового. Более того, они склонялись даже к выводу о практической осуществимости этого образа.

В связи с этим важно отметить принципиальное для писателей противопоставление сквозных в их творчестве образов «прогрессора» и «учителя». Вместо того, чтобы попытаться осмыслить суть «высокой теории воспитания», занимающей в художественно-философской картине мира Стругацких очень важное место, многие современные политехнологи и всякого рода «социальные инженеры» пытаются фактически подменить ее теорией и практикой «прогрессорства», т.е. целенаправленных структурных изменений социума усилиями закрытых аналитических групп, использующих особый «эзотерический» язык, недоступный большинству людей. Речь фактически идет о замене образования как субъект-субъектного процесса. Иными словами, такой подменой, в которой обе стороны взаимодействия выступают в качестве активных участников по принципу: «Плох тот учитель, который не остается учеником, неспособен учиться у своих учеников».

Выражаясь по-современному, социальным программированием – «выведением», «селекцией» «человеческого материала» с заданными свойствами. Логика развития технических систем прямо экстраполируется в педагогический процесс [9]. Таким образом, вопрос о вероятности и принципиальной возможности осуществления прогностической модели (идеала) человека будущего («разотчужденного» человека) Стругацких в значительной мере сводится к вопросу о том, возможна ли соответствующая теория и практика образования, доказательством чего может стать лишь собственно разработка этой системы образования и деятельное внедрение ее в педагогическую практику.

Цель «высокой теории воспитания» (образовательного концепта, создававшегося Стругацкими) – образование человека, для которого главная потребность и наслаждение творческий труд. Основные задачи учителя: обнаружить и развить главный талант ребенка, прекратить передачу негативного жизненного опыта от родите-

лей к детям. Образованием должны заниматься профессионалы, а не любители (родители).

Система интернатного обучения прописана у Ефремова, на практике нечто подобное реализовано, например, в израильских кибуцах [10]. Образование строится на принципе субъект-субъектного взаимодействия (учитель-ученик). «Высокая теория воспитания», по замыслу ее авторов, даст человеку надежную защиту от негативных эмоций типа зависти и озлобления. Учитель одновременно является не только педагогом, но и воспитателем. Это специально подготовленные (на протяжении 30-ти лет) люди, главный талант которых – воспитание и преподавание.

Но Б.Н. Стругацкий убежден: «Из высокой теории воспитания ничего не получится (и сама она не возникнет), пока у человечества не появится настоятельная в ней потребность. Как возникла у человечества потребность в поголовной грамотности как следствия первой промышленной революции. Тут сразу всё появилось: и миллионы учителей, и сотни тысяч школ, и тысячи образовательных методик» [11]. Главная же проблема практического внедрения – неясность, с чего начать процесс. Планируется, что на это потребуются многие десятилетия.

Правда, если в «Туманности Андромеды» Ефремова большой упор в образовании приходится на труд, то у Стругацких особого значения этот фактор не имеет. Во второй половине XX в. в советском образовании начался процесс отрыва процесса образования от трудовой деятельности. Стругацкие предложили изолированную от внешнего мира систему интернатного образования. Однако проблему, где взять учителей для формирования человека будущего в этих интернатах, они не решили. При том, что ответ на это дал еще А.С. Макаренко в «Педагогической поэме»: сформировать человека-созидателя будущего может только синтез созидательного труда с одновременным обучением школьным дисциплинам.

Заключение

«Высокая теория воспитания» А. и Б. Стругацких осталась недоработанной (ее название условное и не является научным, а лишь художественным наименованием) и дана в самом общем виде, поэтому требует дальнейшего развития. В настоящее время она не готова стать педагогической основой образования человека-созидателя, человека будущего. Однако отдельные ее тезисы (развитие главной способности, прекращение передачи отрицательного жизненного опыта) способны внести вклад в формирование образа человека-созидателя будущего.

Фантасты сформулировали главные критерии идеального образа человека будущего: честность перед собой и окружающими, сила физическая и духовная, тяга к созидательному труду, специализация деятельности, эмоциональная устойчивость. Эти идеи нашли свое отражение в последующих фантастических произведениях, например, у писателя С.В. Лукьяненко [12].

Литература

1. Парцвания В.В. Разотчуждение / Перспективы человека в глобализирующемся мире. – СПб., 2003. – С. 181–209.
2. [URL]: http://www.e-reading.by/bookreader.php/144045/Strugackiii_-_Neizvestnyye_Strugackie._Pis'ma._Rabochie_dnevnik_i_1942-1962.html
3. [URL]: <http://fanread.ru/book/5352941/>
4. Коротков Н.В. Онтология и гносеология фантастики. – Киров, 2014.
5. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М., 2004.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994.
7. Снегирев Ф. Время учителей // Советская библиография. – 1990. – № 1. – С. 125.
8. [URL]: <http://www.novayagazeta.ru/politics/45356.html>
9. Коротков Н.В. Педагогический процесс в тисках «цифрового тотализма» / Бытие – язык – история. – Киров, 2015. – С. 79–84.
10. Филиппова С.Л. Теория и практика общинного воспитания в киббуце // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 305–309.
11. [URL]: <http://www.rusf.ru/abs/int0046.htm>
12. Лукьяненко С.В. Геном. – М., 2000.

References

1. Partsvania, V.V. Ratatouillie. In: Perspectives of person in globalizing world. Saint Petersburg, 2003, pp. 181–209.
2. [URL]: http://www.e-reading.by/bookreader.php/144045/Strugackiii_-_Neizvestnyye_Strugackie._Pis'ma._Rabochie_dnevnik_i_1942-1962.html
3. [URL]: <http://fanread.ru/book/5352941/>
4. Korotkov, N.V. Ontology and epistemology of fiction. Kirov, 2014.
5. Fukuyama, F. Our Posthuman future: Consequences of biotechnology revolution. Moscow, 2004.
6. Marcuse, G. One-dimensional man. Moscow, 1994.
7. Snegirev, F. Time for teachers. *Soviet bibliography*, 1990, no. 1, pp. 125.
8. [URL]: <http://www.novayagazeta.ru/politics/45356.html>
9. Korotkov, N.V. Pedagogical process in the grip of “digital totalizm”. In: Being – language – history. Kirov, 2015, pp. 79–84.
10. Filippova, S.L. Theory and practice of community education in the kibbutz. *Izvestia of Herzen Russian state pedagogical university*, 2009, no. 102, pp. 305–309.
11. [URL]: <http://www.rusf.ru/abs/int0046.htm>
12. Lukyanenko, S.V. Genome. Moscow, 2000.

DOI 10.20339/AM.10-16.079

О.В. ГОЛОЩАПОВА,
преподаватель Института дополнительного образования
Алтайский государственный институт культуры, Барнаул
e-mail: Ola-altai@mail.ru

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОРМА ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ И РЕАЛЬНОМУ МИРУ

Рассмотрена одна из категорий эстетики – «эстетическое» как специфическое отношение человека к миру, окружающей действительности. Выявлена ее духовная форма, включающая основные компоненты эстетического сознания: эстетические впечатления и представления, эстетические вкусы и идеалы, а также эстетические взгляды и концепции. Показана роль искусства в развитии компонентов эстетического сознания. Автор рассматривает принципы гармонии в искусстве и приходит к выводу о том, что именно художественное творение, отвечающее принципам гармонии, влияет на формирование духовных качеств личности, развивая эстетическую позицию, включающую эстетические, специальные музыкальные, музыкально-познавательные, коммуникативные способности. Также сформулирована дефиниция выражения «эстетическая позиция», которая в научной литературе как самостоятельное понятие отсутствует.

Ключевые слова: эстетика, эстетическое, искусство, эстетическая позиция, эстетическое сознание, принципы гармонии в искусстве.

AESTHETIC AS UNIVERSAL FORM OF ATTITUDE OF PERSON TO ART AND REAL WORLD

O.V. Goloshchapova is Lecturer at Institute at Additional education of Altai State Institute of Culture, Barnaul

Elaborated is one of categories of aesthetic, i.e. “aesthetic beauty” as specific person’s attitude to the world, surrounding reality. Specified is it’s spiritual form, including basic components of aesthetic consciousness, i.e. aesthetic impressions and notions, aesthetic tastes and ideals, as well as aesthetic views and concepts. Shown is the role of art in development of components of aesthetic consciousness. The author considers principles of harmony in art, and comes to the conclusion that namely artistic creation, meeting principles of harmony, affects formation of spiritual qualities of person, developing aesthetic position, incl. aesthetic, special music, musical cognitive, communicative abilities. Also formulated is definition of the term “aesthetic position”, that is absent in scientific literature as separate notion.

Key words: aesthetics, aesthetic, art, aesthetic position, aesthetic consciousness, principles of harmony in art.